

Павел Виноградов

Странные существа

Павел Владимирович Виноградов

Странные существа (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6611100

Аннотация

Фантастические рассказы петербургского журналиста и известного сетевого писателя Павла Виноградова приглашают читателя в причудливые миры, созданные авторским воображением, где мистика переплетается с вполне реальными проблемами. Человек бьётся в замкнутом круге повторяющейся жизни... Вечноживущий демон становится святым старцем... Ангел смерти мечтает стать человеком и его мечта осуществляется... Вождь пролетариата восстаёт из своего саркофага и пытается вновь совершить революцию в союзе со странными существами... На закате СССР комсомольский работник встречает на уединённом речном берегу проклятие своего рода... Межпланетный терроризм становится проблемой номер один для империи в далёкой галактике... Влюблённый лифт добивается взаимности у красавицы... Подлинная история пятнадцати человек на сундуке мертвеца... Всё это и многое другое в сборнике «Странные существа». Все рассказы занимали высокие места на сетевых литературных конкурсах.

Содержание

На тёмный путь единожды вступив...	4
Колея	4
Эпизод 1	12
Эпизод 2	14
Старец Силуан	15
Роща Эрлик-хана	52
Крысобог	70
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Павел Виноградов

Странные существа (сборник)

На тёмный путь
единожды вступив...

Колея

Нонна с девчонками играет в классики. Замызганная юбочка, далеко уже не белые гольфы, растрёпанная чёрная коса. Интересно, каково её отцу, хромому фронтовику, пестовать позднюю дочь, чья мать навечно поселилась в психиатрической клинике? Впрочем, об отце думать не стоит...

Она ещё не знает, что красива. Типичная нимфетка, как они описаны: душеубийственная, вкрадчивая прелесть. Словно взяли роковую красавицу и с помощью хитрого агрегата умалили душевно и телесно. И получилась маленькая девочка, но никакой не ребёнок. Она двигается и ведёт себя так, словно сознаёт свои формы и своё предназначение, её повадка исполнена из глубины существа идущего кокетства.

Женственность ужалась и напряглась, как пружина, ждущая момента освободить угнетённую энергию.

Я смотрю на неё из открытого окна, сидя на подоконнике, и от тоскливой любви мне сводит скулы. Ужасно хочется закурить. Однако потребность эта иллюзорна – мои нежные лёгкие отторгнут грязный дым, заставив забиться в глубоком кашле. Таков ещё один аспект моего наказания – невозможность смягчить его даже доступными средствами.

С Нонной играют Танька и Ольга. На них со скамейки поглядывают бабули. Когда отец Нонны навеселе возвращается из магазина и забирает её домой, кумушки принимаются обсуждать судьбу несчастного семейства.

Двор передо мной, как на ладони. Поодаль вяло гоняют мяч Женька с Володькой. Маловато их для футбола. Но ничего, во дворе подрастают пять-шесть мальцов, года через два они присоединяются к футболистам, а потом сбиваются в шайку уличной шпаны, со своей иерархией и ритуалами. Потом... Я знаю далеко не всё и не про всех. Женька сгорает от пьянки накануне перестройки. Володька погибает на Кавказе в нулевых. Костя кончает медицинский и по распределению попадает на Урал, где в начале большой заварушки его мобилизуют в войска. Военврачом проходит всю гражданскую, возглавляет областную больницу. Надо думать, вместе с этой больницей его накрывает в День Пи вторая волна ракет. Или третья? Не могу вспомнить.

Танька вырастает в добродушную дворовую шалаву, звез-

ду всех местных парней. Я сам пару раз бываю с ней – на чердаке родного дома, на продавленном диване. Рожает после седьмого класса, уходит из школы, работает в винно-водочном магазинчике. Потом исчезает. Говорят, что вышла замуж за «крутого», но никто этому не верит. Я встречаю её незадолго до Дня Пи на пати в модном ночном клубе Куршевеля, где нахожусь по служебной надобности. Она меня не узнаёт. Униженная брюликами, виртуозно щебечет по-французски и носит громкое имя дряхлого отставного банкира – её то ли третьего, то ли пятого мужа. Все эти подробности я узнаю потом, исключительно из профессиональной вьедливости. А тогда, отработав ночью клиента – известного наркоторона, успешно подрабатывавшего шпионажем в пользу противника, быстренько уношу из этого рая ноги.

Ольга?.. Выходит замуж за парня из соседнего двора – неудачно и ненадолго. Остаётся в квартире родителей с двумя детьми, хоронит отца, потом мать. Работает нянечкой в больнице. А потом меня тут уже нет. Очевидно, попадает под раздачу, как и весь этот город, который в несколько минут исчезает с карты мира.

В этот момент меня всегда словно скручивает изнутри – от знания беспросветного будущего, желания закурить, лицезрения недоступной женщины, которую я жажду всегда – сейчас, потом, в жизни и смерти. Или в том, что у меня считается смертью. Даже факт того, что и у нас с ней есть короткое, неполноценное, но – счастье, не может меня утешить. Я

хочу её прямо сейчас! Но лишь на следующий год меня начинают отпускать на улицу без присмотра, и очень нескоро, да и только один раз, всё складывается так, что мы остаёмся с ней наедине. Нас застукивают, разражается страшный скандал, её отец звереет, а может, сходит с ума. Впрочем, экспертиза признаёт его вменяемым, и он отправляется в лагерь, где вскоре умирает. А Нонну забирают в детский дом, и мы даже не поговорим перед расставанием, потому что меня в то страшное лето мама отправляет от греха подальше к бабушке в деревню. И лишь много-много лет спустя...

Иногда на этом месте я внутренне усмехаюсь, фантазируя, что случится, если я сейчас вырвусь отсюда и брошусь к ней. В самом деле, спрыгнуть с первого этажа легко даже для моего маленького нетренированного тела. Представляю вылезшие на лоб глаза мамаш, узревших пылкие объятия, с которыми пятилетний карапуз лезет к девочке. Право, я бы не сдержался – такова природа дикой страсти, которую я испытываю к ней. Пожалуй, забрали бы меня в специнтернат для асоциальных детей.

К счастью... К счастью?.. К счастью, это невозможно. Мои действия в жизни определены. Думать я могу разное, но действую всегда, не выходя из глубокой и жесткой колеи своей судьбы. Я не знаю, кто продавил её в ткани мироздания. Наверное, я сам. Но за какой из моих многочисленных грехов Господь наслал на меня такую кару, понятия не имею. Я знаю лишь, что никогда не бываю ребёнком: покачиваясь в тёп-

лой и пряной среде материнского лона, я в какой-то момент сразу получаю знание обо всей своей жизни, от рождения до страшного конца. С тем и живу дальше, не в силах изменить ничего, проходя всеми её извилистыми тропинками, обречённо зная то, что открывается за следующим поворотом.

И так много, много раз. Такой вот, блин, ёкарный Сизиф, прости, Господи.

Так, на этом месте мне срочно нужен фильм, который ещё не то что не снят, а даже не задуман. Да и если бы он существовал, его бы не показал ни один кинотеатр страны, в которой я имею честь тянуть бесконечную лямку. Фильм, который впервые смотрю лет через двадцать в одном из полуподпольных видеосалонов.

Да и не сам фильм мне нужен, одна лишь фраза из него. Мне необходимо, чтобы кто-то произнёс её вне меня, чтобы я мог вслушаться, пытаюсь понять и, может быть, найти выход. «На тёмный путь единожды вступив, навсегда свяжешь с ним судьбу свою», – говорит юному герою инопланетный сморчок, жонглирующий нездешними силами. Сама эта раздутая космическая эпопея мне безразлична – в конце концов, я всю жизнь дерусь за Империю против всяких «хороших парней», и с этими бы тоже дрался, и неизвестно, помогли бы им лазерные мечи. Но эта фраза звучит во мне от рождения и до смерти, восставая вместе с моим сознанием.

Когда же я вступил на тёмный путь и почему не могу сойти с него? Мне кажется, это самое важное в моей мультижиз-

ни, которая, на самом деле, лишь бесконечно клонируемая смерть. Если я найду этот момент, возможно, смогу изменить всё. До тех пор я бессилен, хотя пытаюсь множество раз. Например, я мог бы унять её отца. Пусть у меня пока детское тело, но память... память головореза диверсанта всегда при мне. Я знаю, куда бить, чем бить, и какой эффект это произведёт. Я могу пользоваться любым оружием, и знаю, как сделать оружием множество совершенно неподходящих для этого предметов. И ещё я обучен методике психологических манипуляций.

Всё это очень выручает меня и в школе, и в армии, и на тайных курсах конторы настолько секретной, что она даже не имеет названия, об её существовании осведомлены лишь члены Политбюро, а после распада Союза – Совета безопасности. Мы не занимаемся ни разведкой, ни контрразведкой, лишь наблюдаем и в нужных случаях реагируем, нанося упреждающий удар. Попросту говоря, физически ликвидируем опасную для государства фигуру.

На меня обращают внимание ещё в школе, и немудрено – прошлое-будущее постоянно проявляется во мне. Ребёнок-солдат – находка для конторы. Уже в старших классах я участвую в нескольких операциях, в основном, в качестве приманки. Далее мой путь определён: армия, институт – всё под чутким присмотром тайных дядей, а потом – обучение и работа на всю оставшуюся жизнь. Не мне оставшуюся, а стране.

И в связи с этим у меня возникает множество вопросов, ответить на которые абсолютно некому. Получается, что в мою колею впечатаны события, которые могли произойти только вследствие использования мною памяти о будущей жизни. А если оно так, то где моя жизнь первоначальная, не осквернённая с рождения взрослым опытом?..

Когда вступаю я на тёмный путь? Может быть, прямо здесь и сейчас, на этом подоконнике? Или когда завожу Нонну в старое бомбоубежище и, после невинных детских игр «покажи-ты-мне-а-я-покажу-тебе», настойчиво и умело делаю то, что ни в коем случае не должно происходить между девятилетним мальчиком и одиннадцатилетней девочкой? Или когда не убегаю из бабкиной деревни, чтобы встретиться с ней? Может быть, тогда бы её отец в припадке ярости не избил и не изнасиловал её?

Или когда проворачиваю в шестом классе сложную операцию по дискредитации с последующим увольнением ненавистного директора, зная, что пацан, которому я сообщил все детали разработки, разболтает их дома, а его отец работает на контору? Или когда ликвидирую лидера демократов, который способен был возглавить страну после краха коммунизма? Но я топлю его в мелкой речушке, имитируя несчастный случай. Через несколько месяцев власть берут военные, и раскручивается кровавый маховик гражданской войны, из которой страна выходит, сохранив территорию, но истощённой до предела.

Или всё это из-за того мерзавца в Куршевеле? Ведь выясняется, что сведения о нашей противоракетной обороне, которые он так и не передал противнику, могли бы предотвратить День Пи, ибо атака начинается исключительно от недооценки неприятелем наших возможностей. И тогда две трети мира не укутались бы в одеяло радиоактивного пепла.

А может быть, момент истины настаёт, когда, в частично уцелевшей Сибири я веду дикую и безнадёжную жизнь одинокого волка, кормясь ножом и автоматом? Но это вряд ли – ведь именно там находится краткое моё счастье: истребив мелкую шайку таёжных троллей, среди прочих трофеев я приобретаю женщину. Её.

Я не знаю, через что она проходит – не спрашиваю, а она, кажется, даже не помнит, кто я такой. Но, клянусь, она любит меня! А я – её. Несколько месяцев живём мы в моём лесном схроне, и я всю жизнь невидимо рыдаю об этом времени. Вскоре нас находит другая шайка троллей, главарь которой – мой кровник. Я отбиваюсь до последнего патрона, а потом гляжу в её грустные глаза, вырывая кольцо гранаты.

Дальше – прятный покой материнского лона.

Эпизод 1

– Сева, кушать! – мамин окрик из кухни раздаётся в положенный момент.

Перед тем, как уйти, я погляжу на улицу, и Нонны в песочнице больше не будет. Увижу я её не скоро.

Я поворачиваюсь. Нонна стоит под моим окном. Остолбевение – слишком слабое слово для описания моего состояния.

– Мальчик, тебя как зовут?

Как мне знаком этот голос!..

– Севка, ужинать быстро!

Мама в комнате – совсем не по сценарию.

– погоди, ко мне девушка пришла, – бросаю через плечо, и осознание невозможности происходящего обрушивается на меня.

Теперь столбенеет мама.

– Меня зовут Сева, – говорю севшим голосом и вижу, что испугавшаяся мамы девочка уже отбежала на несколько шагов.

– Мы ещё поговорим, Нонна! – кричу я с отчаянием вильника, и соскальзываю с подоконника, мельком поглядев в круглые от ужаса и изумления мамины глаза.

Бедная мама! Прости меня за всё. Я просто не могу иначе.

Её сигареты – она тщательно скрывает от меня, что курит

– под бельём в шифоньере. Достая пачку «Родопи» и быстро закрываюсь в туалете. Под приступы кашля, мамины крики и удары в дверь, лихорадочно размышляю. Что это? Момент истины, даровавший мне свободу, или просто очередная флуктуация в неизменном процессе?

С отвращением выбрасывая недокуренную сигарету в унитаз, прихожу к единственно возможному решению – жить дальше, и будь, что будет.

Сегодня мама первый раз порет меня ремнём, хотя это должно случиться только через три года.

Кажется, в жизни появляется смысл.

Эпизод 2

Я поворачиваюсь. Разумеется, Нонна стоит под моим окном.

– Мальчик, тебя как зовут?

Как мне знаком этот вопрос, как мне знаком этот голос!..

– Севка, ужинать быстро!

Правильно, мама уже в комнате.

– погоди, ко мне девушка пришла, – привычно бросаю через плечо.

Согласно сценарию, мама столбенеет.

– Меня зовут Сева, – говорю я, но девочка, конечно, уже отбежала на несколько шагов. – Мы ещё поговорим, Нонна! – кричу я, обречённо сознавая, что теперь увижу её не скоро.

Старец Силуан

Это был один из тех случаев, когда душа препирается с профессией. Журналист должен быть отстранён от темы, подмечая детали, которые не видны изнутри. Но, с другой стороны, мы обязаны знать свою тему как можно лучше. И как быть с такими ножницами?.. Уже много лет я стараюсь воцерковиться, но я ещё и журналист, знающий, насколько тонка грань между внешним благочестием и обманом. Не говорю о сектантах, с этими всё ясно. Но и в Церкви за последнее время появилось столько «прозорливых старцев» тридцати годков и «боговдохновенных батюшек», делающих из приходов настоящие храмы самим себе, что не замечать этого просто невозможно. Смутные времена влияют и на Церковь. А я – журналист, который в смутные времена живёт и работает...

Я мысленно перекрестился. Нельзя быть предубеждённым. Нельзя ожидать увидеть то или это. Надо смотреть ясными глазами на всё, а там Бог управит. Ведь я не просто летел в очередную командировку, но совершал паломничество.

Вертолёт, в котором, кроме меня и фотокорреспондента, летел отец-эконом Рысьеозёрского монастыря отец Пахомий, трясся и гудел. Страшновато было, но бодро. Внизу плыл ярко-зелёный лишайник сплошной тайги. Можно, ко-

нечно, до обители и по земле добраться: пять часов на поезде от областного центра до маленькой станции, а оттуда автобусом до вахты лесорубов, и по тропинке ещё километров тридцать до самого монастыря. Дня три среди мрачных готических кедров, увязая в тёмно-коричневой жиже болот, на каждом привале выливая из сапог вонь-водицу, заживо пожираемый комарами... Отец Пахомий испытывал все эти искусы всякий раз, когда ездил по монастырским делам в город. Случалось это раза два в год, когда накапливались нужды во всяком строительном скарбе, одежде и прочих припасах, которых не достать было в ближайшем посёлке. На обратном пути отец-эконом нанимал дрезину, которая по захолустной боковой ветке подбрасывала его с грузом вглубь тайги, а потом всё добро везли до места на подводе. Теперь, думаю, славил Бога за случайную встречу с журналистом областной газеты, который выразил желание съездить в отдалённый монастырь на репортаж. Груз надёжно покоился в недрах винтокрылой машины, которая высадит нас на поляне прямо напротив обители. Оттуда, правда, придётся таскать на руках.

– Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе, – и вправду донесся сквозь грохот дребезжащий голос монаха.

Славный батюшка, кроткий и светлый. Он в монастыре недавно – года три. А до него отец Силуан четыре года жил один, лишь изредка добирались сюда особо упорные паломники. Поселившись в развалинах колонии для ссыльных,

раньше бывшей монастырём, основанным лет триста назад, иеромонах, ищущий уединения, на удивление многим выдержал всё и потихоньку поднимал обитель. Восстанавливал храм, строил келью сначала для себя, а потом для Пахомия, ставшего вторым насельником и экономом. Собственно, личность старца Силуана меня и заинтересовала. Слышал я про него. И рассказывали прямо противоположное. То ли пророк и целитель от Бога, то ли сомнительный монах, не ужившийся в Оптиной – такого и в расстриг не отправишь, но и терпеть невозможно, потому как братии прямой соблазн. Несмотря на весь свой журналистский опыт работы с разноликими религиозными группами, я всё никак не мог понять, идёт речь о подвижнике или расчётливом манипуляторе.

В общем, очень захотел я побеседовать с отцом Силуаном. А тут – промыслительно, не иначе – познакомился в епархии с отцом Пахомием. Случай был уникальный, я убедил главреда, что в тайге ждёт сенсационный материал, шеф подписал мне командировку и нажал на только ему ведомые рычаги, чтобы раздобыть вертолёт.

Тот, кстати, уже садился. Мелькнуло несколько ледащих строений – кельи и сараи, и монастырские развалины. Ослепительно блеснула гладь озера. Тёмная тайга вдруг пугающе надвинулась, и мы сели в огромной чаше, образованной лесистыми горами. Фотокора Сашу, как только он оказался на земле, сразу же вырвало. Бедняга, как ещё полёт выдержал...

Я бы его не брал, но очень уж просился, к главному бегал. Сейчас, весь бледный, как смерть, всухую глотал таблетки.

Мы с Пахомием принялись лихорадочно выгружать монастырские покупки и собственное барахлишко – пилот долго ждать не мог. Так торопились, что пропустили явление отца Силуана.

Ну, скажу я вам, если судить по внешности, батюшка был не просто сомнительным, а прямо-таки вопиюще сомнительным. Лицо его было... не то чтобы уродливым, скорее, необычным до неприятия, словно всё состояло из углов и резких линий. Черноволос и очень смугл. Жиденьякая острая бородка шевелилась, будто он всё время тихонько двигал нижней челюстью. Густые брови срослись над огромным горбатым носом. Глазные впадины очень глубоки, или так казалось из-за сероватых кругов, в центре которых негасимым огнём горели маленькие глаза. Тонкие серые губы кривились, словно на них навечно застыла жестокая усмешка.

Похоже, он уже довольно долго наблюдал за нашими трудами. Когда мы его заметили, молча благословил нас. Мы с Пахомием склонились, а Саша растеряно маялся со своей камерой, которой он во время полёта, когда болезнь отпускала, снимал проплывающие внизу виды.

– Батюшка, а махните ещё раз так, – попросил он с видом мальчика, вежливо клянчащего вожделенную конфетку. – А то я вас снять не успел.

Я в душе матюгнулся: по рассказам, старец славился кру-

тым нравом, и я готовился долго его умамливать. А дурачок Саша мне сразу всю игру ломает. Сейчас отец-настоятель разгневаётся и вообще придётся назад лететь тем же вертолётном. Знаю я монахов... Впрочем, на Сашку я долго сердиться не мог.

Однако, к моему удивлению, грозный старец слегка ухмыльнулся в бороду и благословил нас ещё раз, теперь помедленнее. Счастливый Саша успел отщёлкать несколько кадров.

Как я и предполагал, старцем Силуан совсем не выглядел. Невысокий кряжистый мужик за сорок. Монах как монах – довольно ветхий подрясник, высокая чёрная скуфья, чётки... Голос вроде бы тихий, но резкий, так, что даже вполголоса произнесённое им слышалось далеко. Но немногословен. Взвалив на себя пару огромных баулов, каких я ни за что бы не поднял, он молча пошёл к монастырю. Мы за ним.

Жить нам тут предстояло три дня – потом вертолёт. Он нас сюда забросил, вообще-то, по пути в Ванавару, и должен забрать на обратном пути. Для сбора материала более чем достаточно. Для чего другого – мало...

Первый день завершился удивительно спокойно. В монастыре Силуан сразу куда-то исчез, «странноприимный дом» – пристройку к кельям, показал нам Пахомий. Ничего так комнатка – квадратов на двенадцать. Неказистая печка с полатями, на которых по летнему времени были навалены для просушки снопы каких-то трав, распространяющих запах

сеновала. Самодельный стол, две широкие лавки, на которых, видимо, нам предстояло почивать, ведро для воды, ведро для надобностей. Это была вся обстановка.

Сашка сразу скинул свои пожитки на стол и молча скорчился на лавке лицом к стене. Помочь я ему не мог, потому поставил рюкзак в угол и вышел на улицу. Вечерело. С озера дул сыроватый ветерок, наполненный запахом водорослей и рыбы. Огромные мохнатые сопки словно бы сжимались вокруг пади, угрожающе нависали над озером и монастырём. Красный диск солнца должен был вот-вот кануть за верхушку самой большой горы. Тогда наступит сумрак. Я поёжился. Не хотелось бы мне жить здесь год от года, да ещё в одиночестве. Не то чтобы страшно – как-то слишком величественно, не для человека...

В быстро спускающейся тьме вдруг надтреснуто зазвонил колокол. Я пошёл на звон и оказался у развалин кирпичного храма. Было видно, что его недавно поновляли – часть стен побелена, возведён каркас новой крыши. Рядом лежали штабеля досок, кирпич, мешки с цементом. Я представил, как два монаха ползают по зданию, стараясь привести его в божеский вид, и меня охватила неуместная жалость.

В колокол, висящий на временной деревянной звоннице, усердно бил отец Пахомий. Я молча прошёл мимо него, перекрестился и вступил под ветхие своды.

Отец Силуан служил всенощную, можно сказать, под открытым небом. Конечно, ни Царских врат, ни иконостаса тут

ещё не было. Кое-где на стенах висели образа, старинные потемневшие доски соседствовали с бумажными глянцевыми картинками, явно вырезанными из календарей. Голос настоятеля поднимался под своды, открытые вечернему небу, и растворялся в нём. Он служил размеренно и неторопливо, будто перед ним лежала вся вечность. Пение его было уверенным, благозвучным, но каким-то резким. Батюшка предпочитал греческие распевы, и, что меня поразило, часто переходил и на греческий язык. Пахомий подпевал ему, как умел – и за диакона, и за клирос. Я представил, как они служат так дважды в день – год от года, вдвоём, в полуразрушенном храме среди огромных мрачных сопок, и снова невольно поёжился. А ведь раньше старец жил тут один, и греческим распевам внимали только окрестные лисы и рыси.

Старец помазАлся, почему-то не снимая клобук, лишь слегка сдвинув его. Потом помазАл Пахомия. Я подошёл к сбитому из ящичков аналою и принял на чело елей. Рука батюшки, к которой я прикоснулся губами, была мозолиста, густо покрыта жёстким чёрным волосом, суха и прохладна, как мощи.

Сумрак, разбавляемый рваными язычками свечей и несколькими лампадами, вдруг взорвался магниевой вспышкой. Саша снимал от входа. Этот парень непрошибаем! Двадцать раз инструктировал его, как вести себя в монастыре, но он по-прежнему готов наплевать на всё ради хорошего кадра. Впрочем, в его положении все поучения уже можно

пропускать мимо ушей и делать то, что считаешь нужным – но какой же я идиот, что взял его с собой!..

Однако отец-настоятель, судя по всему, нисколько не разгневался на помеху в службе. Он спокойно поднял глаза на фотографа и подозвал его движением руки с кисточкой. И – о чудо! – желчный агностик Саша, гордо умирающий двадцатипятилетний пацан, опустил камеру и смиренно подошёл под елеопомазание.

Спали тихо и бестревожно, на сыроватых тюфяках, под целыми ворохами старых одеял. В желудках у нас была незатейливая вечеря – молодая картошка с монастырского огорода, да только что пошедшие колосовики – подберёзовики и маслята. Тайга вокруг угрожающе молчала, изредка доносилось потрескивание ветки или крик ночной птицы. Где-то на краю сознания шёлково шелестело озеро. Призрачный ветерок юркал сквозь дырявую крышу. А мы спали.

Колокол разбудил меня на рассвете. Я рывком поднялся с лавки. Сашка спал мёртвым сном, лицо посерело и исказилось, на совершенно голой после лучевой терапии голове проступили капельки пота – видимо, боль вернулась к утру, но он так устал, что не проснулся. Быстро одевшись, я тихо вышел на улицу.

Монахи готовились к литургии. Перед деревянным крестом на могиле первого настоятеля – преподобного Силуана Рысеозёрского (думаю, ещё и монашеское имя основателя обители привело сюда современного отца Силуана) стоял

грубо сколоченный престол, на котором разложен был старый-престарый антиминос. Я разглядел на нём только четырёхконечный крест и полустёртые греческие надписи.

Опять слышались греческие распевы и молитвы. Я не думал причащаться – не читал накануне каноны, и, хоть с вечера не ел и не пил, не чувствовал себя достойным подойти к Чаше. Но отец Силуан жестом подозвал меня к самодельному аналою, на котором лежал крест и Евангелие.

– Причащаться будешь? – спросил он отрывисто, без всякого еля в голосе.

– Не готов, батюшка, – ответил я. Почему-то стало жутко. Впрочем, перед исповедью всегда так.

Настоятель резко мотнул головой.

– Готов, – убеждённо сказал он. – Каяться есть в чём?

Мне было в чём каяться. Отношения с женой и дочерью, с которыми не живу уже несколько лет. Новая любовь. Безуспешные попытки воцерковиться. Заказы на левую рекламу в газете. Ежевечерние редакционные пьянки. Да много ещё чего. Я журналист и живу в смутные времена. Я человек.

Была не была!

Подойдя поближе к батюшке, я начал рассказывать, но он прервал меня в самом начале.

– Всё знаю. Вставай на колени.

Почти помимо воли я преклонил колена и ощутил на голове лёгкое бремя епитрахили.

– Господь и Бог наш, Иисус Христос, благодатию и щед-

ротами Своего человеколюбия да простит ти чадо Евгения, и аз недостойный иерей Его властию мне данную прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во Имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Слушая знакомые слова разрешительной молитвы и почти физически чувствуя, как бремя грехов покидает душу, я всё думал, думал: «Неужели и правда знает? Откуда?..» Я был в опасном состоянии доверчивого недоверия. Для моей работы это катастрофа. Но сейчас я не работал.

Когда пришло время освящения Даров, отец Силуан благоговейно снял клобук. Несмотря на святость действия, я невольно вздрогнул – голова настоятеля была повязана плотной чёрной повязкой. Неужели он служит с повреждённой головой? Ведь кровоточивым нельзя... Впрочем, никакого кровавого пятна по повязке не расплывалось. Мало ли что у него там...

Когда я подходил к причастию, позади опять защёлкала камера. Батюшка этого как будто не заметил.

После завтрака – горячий хлеб с прошлогодним черничным вареньем и травяной чай – начался долгий, жаркий и исполненный трудов день. Монастырское хозяйство было небольшим, но для двух человек работы более чем достаточно. Две лошади, требующие сена, огород, грибы-ягоды в лесу, рыба в озере – всё надо заготавливать, иначе зимой зубы на полку. Да маленькая хлебопекарня. Да восстановление храма. И много-много всего.

Я всё время старался оказаться рядом со старцем. Интервью он мне, конечно, даст, но очень полезно видеть его в привычной обстановке, понаблюдать, может быть, услышать пару интересных фраз. Но настоятель словно бы читал мои мысли и всё время отсылал от себя подальше – благословлял то строить поленницу, то помочь отцу Пахомию в пекарне, то набрать в лесу крупной сладкой земляники к вечеру.

Придя из леса с полным лукошком, я случайно подсмотрел поразительную картину. Сашка, который весь день крутился у всех под ногами, то и дело щёлкая камерой, видимо, совсем раскис. Во всяком случае я знал, что морфин он себе колет в самом крайнем случае. Наверное, тот как раз настал. Метастазы уже пошли парню в ноги, и боли, надо думать, были страшными. Серый Саша сидел на бревне, дрожащей рукой пытаясь попасть в вену. Неведомо откуда чёрным вороном возник отец Силуан – закатное солнце на миг заслонила его развевающаяся ряса. Он молча взял шприц, сказал Саше что-то, легко и быстро коснулся рукой его головы. Сашка как сидел, так и остался, а настоятель исчез, унося наркотик с собой.

– Как ты? – спросил я, подходя к фотографу.

Тот поднял на меня глаза. Они были какими-то удивительными – не мутными, не бессмысленными, наоборот, ясными. Слишком ясными.

– Нормально, – ответил он со странным спокойствием, встал и быстро ушёл.

Я только пожал плечами. Если отец Силуан и манипулятор, то его способности в этой области уникальны. Уже это оправдывало мой приезд сюда.

После всенощной настоятель позвал нас в трапезную, вернее, за длинный стол с самодельными лавками на задах храма, где монахи по тёплому времени вкушали плоды земные. После длительного благословения, возглашённого старцем, отцы к трапезе не приступили, хотя на столе уже стояли щавелевые щи, свежесвыловленная жареная плотва, зелень с огорода и собранная мной земляника. Горела керосиновая лампа.

– Достоин еси Господи прияти славу и честь и силу, яко Ты еси создал всяческая и волею Твоею суть сотворена, – тихо запел Пахомий.

Настоятель взял початую бутылку церковного кагора, который здесь берегли, словно драгоценность, плеснул чуть-чуть в круглую пиалу, долил тёплой ключевой водой и стал читать греческие молитвы. Сашка изо всех сил таращил глаза и, думаю, жалел, что не взял камеру. Сам я был удивлён побольше его – знал, что происходит необычное.

Это была настоящая агапа, «вечеря любви», литургия первохристиан. Я слышал, что кое-где по приходам этот обычай возрождается и что отношение к этому в Церкви настороженное.

Отец Пахомий отвечал на молитвы настоятеля «аминь», иногда «ей, аминь», а когда настоятель закончил молиться,

возгласил по-русски:

– Сидящему на престоле и Агнцу благословение и честь и слава и держава во веки веков.

Казалось, окрестные горы, лес, озеро и само небо торжественно притихли, внимая церемонии.

– Если кто свят, пусть подходит, а кто нет, тот пусть кается, – проговорил отец Пахомий.

Старец переломил ковригу хлеба, обмакнул в пиалу и откусил кусочек. Переломил ещё раз, обмакнул и передал Пахомию. Тот откусил так же благоговейно. Настоятель протянул хлеб мне.

Я был в растерянности: несомненно, это было причастие, но вопиюще неканоничное... Я опасался быть втянутым в какой-то еретический ритуал. Однако выхода не было. «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного», – пронеслось в моей голове, и я откусил мягкое, сладковатое, отдающее ветром над полем пшеницы и солнцем над виноградниками.

Приобщился.

Последний кусок достался ничего не понимающему Сашке.

Потом, как и следовало на агапе, мы тихо и степенно приступили к еде, прерываемой речами настоятеля. Сейчас, да и сразу после той вечери, я не смогу точно вспомнить, что он говорил. Речь текла гладко-увесисто, словно спокойный, но мощный поток. Это была даже не проповедь, просто рассказ

о душе, её месте в мире, борьбе и страданиях. О поющих в вышине ангелах и нечисти в тёмных провалах. О невидимой войне, тысячелетия ведущейся вокруг нас и за нас, в которой мы побеждаем и гибнем, но иной раз даже не сознаём этого. Иногда старец прерывался и что-то пел по-гречески, на латыни и ещё каких-то странных языках. Иногда по-церковнославянски пел Пахомий.

Это продолжалось долго, может быть, несколько часов. Ночь опустилась на тайгу. В сопках тревожно закричала птица, откуда-то издали ей ответило мяуканье рыси, на озере шумно плеснула щука. И настала тишина. Лампа выхватывала из темноты стол с остатками ужина, белую, как снег, чашу, бороду Пахомия и огненные глаза Силуана.

Он встал и прочитал благодарственную молитву, на сей раз по-русски. Обнял и трижды расцеловал Пахомия, и поглядел на нас. Я подошёл и тоже троекратно облобызался с настоятелем, ощутив колючую жёсткость его бороды и заду-белую кожу лица. От него шёл едва уловимый запах – так пахнет палая листва и вянущие травы. Пока я совершал целование с Пахомием, настоятель лобызался с Сашкой, и снова меня не удивило это, хотя я ещё день назад не мог представить нашего фотокора в такой ситуации. Но это уже не имело значения. Я словно бы пребывал во сне – очень ярком, но совершенно неправдоподобном. В этом сне могло случиться всё.

А вот как мы по-настоящему заснули, не помню.

С утра день был пасмурным, изредка моросил мелкий дождик, редкие, но сильные порывы ветра заставляли лес грозно взрывать. Литургию я проспал и когда вышел на улицу, дневные труды насельников были в разгаре. К моему изумлению Сашка поднялся раньше меня и азартно помогал Пахомию на ремонте храма: таскал раствор и кирпич, придерживал доски. Зачехлённая камера сиротливо лежала на брёвнышке поодаль.

– Со мной пойдёшь, – раздалось позади. Я обернулся и увидел Силуана.

Смотрел он сурово, глаза сверкали. В то же время я ощутил некую отстранённость, словно он глядит на меня в бинокль из невообразимой дали. Я молча проследовал за ним. Шли лесом. Сначала это было легко, потом дорога пошла вверх, а ели принялись сцепляться друг с другом и не пускать дальше. Впрочем, что-то вроде тропинки здесь намечалось. Вскоре я запыхался и совершенно выбился из сил, но старец всё так же размеренно шёл впереди, ни разу не оглянувшись.

Ельник поредел и мы вышли на открытую вершину сопки. Здесь стоял деревянный поклонный крест, продубленный дождями и ветрами. Отец Силуан размашисто перекрестился на него, я тоже.

Вид отсюда открывался фантастический. Под высоким обрывом до горизонта разлилось тёмно-зелёное и бурое. Тайга не то что напоминала море – она и была морем, по которому яростный ветер гнал ревушие волны. Казалось, если

спрыгнуть с обрыва в эту волнующуюся пропасть, упадёшь на самое дно и будешь вечно лежать там, сливаясь с бесчисленными слоями хвои. Деревья гнулись тяжело, с треском, но синхронно, словно старики в храме Великим постом совершали поклоны. Надо всем этим нависало жемчужное небо с ходящими по нему массами дождевых облаков. Бездна бездну призывала.

А потом случилось то, что перевернуло мою жизнь, поставив меня лицом к лицу с великой тайной. Стоя спиной ко мне, отец Силуан снял скуфью и стал разматывать головную повязку. Я с недоумением смотрел на это, пока он не повернулся.

Смерть неоднократно приближалась ко мне. И в юности в горах Афганистана, и в образе компании подонков с ножами, и под обстреливаемым из танков Белым домом, и в полуразрушенных, прокалённых безжалостным солнцем Бендерах, где снайперы не спрашивали, журналист ты или ополченец. Всё это было очень страшно, но ни разу я не испытывал ужаса сильнее, чем при виде головы настоятеля Рысьеозёрского монастыря.

Его образ обрёл чудовищную гармонию, обычно нарушаемую благопристойной скуфьёй или клобуком. Словно бы состоящее из тёмных углов лицо, козлиная трясущаяся борода, горящие глаза полностью сочетались с похожей на каракуль полуседой шевелюрой, в которой бесстыдно торчали небольшие острые рога.

В своей жизни я видел много необъяснимого с «разумной» точки зрения, и знаю что наш мир – не единственный из миров. Но одно дело чувствовать или мельком видеть мистические события, а другое – наблюдать их вот так, среди бела дня. Почему-то я сразу понял, что рога – никакая не бутфория, уж слишком на своём месте, естественно смотрелись они на большой, неправильной формы голове Силуана.

– Хвост тоже есть, – кивнул он на мою невысказанную, но вдруг вспыхнувшую мысль, – но его не покажу.

Смотреть на его хвост мне совсем не хотелось, но неизбежное журналистское любопытство пересилило ужас:

– А копыта? – спросил я, сам не понимая, как осмелился.

– Нет копыт, – устало ответил монах и сел на лежащий у креста гранитный валун. – И не было. Люди придумали. Для пущего страха.

Ну что я тут мог сказать? Да, конечно: «Кто ты и откуда? Изыди, сатано!» Но в глубине себя я точно знал, что никуда этот рогатый монах не изыдет – плотный он слишком был, земной. Я видел, как отец Силуан рывком закинул на крышу храма трёхметровую доску, которую мне даже за один конец приподнять было нелегко, как поднимал огромные мешки, как играючи нёс на вытянутых руках тяжеленный горячий чугун со щами прямо из печки. Куда там «изыди»... Он ел и пил, молился и причащал, трудился и разговаривал со мной. И тут я вижу, что всё это время он был не человеком, а неким неведомым и, наверное, опасным существом.

– Да не демон я, не демон, – проворчал он, словно опять почитал мои взбаламученные мысли. – Демоны из эфира сотворены, а я – из земли. Как и вы, дети Адама. Садись, чего стоишь. Долго мы здесь будем.

Я присел напротив него на другой валун и постарался обратиться с мыслями. Получилось страшно. Вдруг вспомнил историю про этого монаха, которой полностью поверил только теперь. Будто, когда Силуан жил тут ещё один, вышли из тайги беглые зеки, да вознамерились по обители пошариться. Монаха, конечно, собирались пустить в расход – зачем им свидетель. Только произошло что-то такое, после чего двое бандитов умерли, а остальные четверо напрямик через лес бежали до железной дороги и сдались там милиции. На вопросы, что произошло, молчали, как будто у них рты зашиты. Двое сошли с ума.

– Вы меня убьёте? – обречённо спросил я.

Того аж перекосило.

– Ну что вы все такие... – он досадливо махнул рукой, словно отгонял муху. – Вот зачем мне тебя убивать? Что, если у меня рога на голове и хвост на заднице, я уж и убивец?.. Да не пожелай я, чтобы ты здесь появился, и никуда бы ты не полетел: или заболел бы, или вертолёт сломался, или ещё что.

– Так кто вы? – нашёл я в себе силы спросить.

Ветер стих, но небо стало темнее. На тайгу упало покрывало прозрачной тишины.

– Монах, давно уже... – медленно произнёс он. – Теперь вот настоятель обители сей... А раньше... Сам не знаю. Люди звали то богом, то дьяволом, то святым. Но я не тот, и не другой, и, наверное, не третий. Сильван я.

Всё-таки хорошо увлекаться мифологией... Сильван. Он же Фавн, он же Пан. Силуан, да...

– ...Сатир, Святибор и много ещё имён, – я уже не удивлялся, что голова моя для него, как открытая книга. – И не одного меня ими звали. Нас ведь много было. Не столько, сколько вас, людей, но много. Да хватит дрожать! – вдруг рывкнул он.

Тут я и правда понял, что дрожу, да что там, прямо вибрирую, и виной этому не только холодный ветерок на вершине сопки.

– Надо бы привыкнуть, что боятся меня люди, но до сих пор ярюсь, – произнёс он уже спокойно. – Ты уж меня прости, что напугал, и не бойся. Людей не жизни не лишал лет уж семьдесят как.

– А те зеки? – вырвалось у меня.

– Что зеки?.. Попустил Бог показать им мою старую силу, двое замертво и свалились. А остальные утекли. Но я их пальцем не тронул. Да и не сделали бы они мне ничего – не в силах люди меня убить. Много раз уж пытались...

– А вы и правда священник? – вопросы возникали как будто против моего сознания, настойчиво требовавшего заткнуться и молчать в тряпочку, пока невероятное приключо-

чение не закончится. Однако, похоже, профессия уже укоренилась у меня где-то в подсознании.

Вопрос вновь разозлил настоятеля. Он пару секунд молчал, видимо, заглывая слишком резкий ответ, потом сказал почти ласково:

– Вот благословлю тебя промеж глаз, прекратишь глупости спрашивать. Да, крещёный я, в Христа-Бога верую. И рукоположен чин по чину.

У меня родился первый осмысленный вопрос, и это означало, что профессия одолела мои слабости. Я уже не ощущал страха. Вернее, он был, но словно потерял активность, лежал где-то в душе тяжестью и не мешал работать. Так бывало под огнём и в других обстоятельствах, когда надо пересилить себя и работать. Я ведь приехал сюда взять интервью, и сейчас его возьму! Но следовало уточнить один момент.

– Почему вы передо мной открылись? – спросил я в лоб.

На сей раз Сильван не разозлился.

– Дитя, – тихо сказал он, – я живу на свете столько лет, сколько ты дней не прожил. И я живой, у меня душа. Иногда хочется откровенно поговорить с кем-нибудь. Мои-то уже почти все ушли, только вы, люди, остались ... Молился я о тебе, и дозволено мне было рассказать тебе всё.

– Выходит, что...

Сильван кивнул.

– Да, я сперва твои опусы в газетах читал, и книгу твою. Не медведи мы, хоть и в тайге живём, кое-что уразуметь можем.

Так что с Пахомием не случайно ты встретился.

– А разве Пахомий?..

– Знает, – не дал он мне договорить, – и он, и настоятель Оптиной, и Патриарх. И кое-кто из архиереев. Человек шесть всего сейчас в мире. Раньше бывало и больше...

Похоже, моя сенсация пока не собиралась от меня избавляться. Но не может же он не понимать...

– А если... – начал я, но он опять прервал.

– И кто тебе поверит?

Я представил, как приношу главному совершенно правдивый репортаж о моём пребывании в Рысьеозёрском монастыре, и чуть не расхохотался нервно, въяве увидев лицо шефа. Сильван тоже слегка улыбнулся тонкими бледными губами.

– Ну, вот и то-то, – заключил он. – Выслушаешь, запомнишь. А когда-нибудь напишешь. Всё равно не поверят, но пусть знают.

Я демонстративно вытащил из кармана диктофон и включил запись. Сильван только усмехнулся.

Тайга совсем замерла, будто вместе со мной приготовилась внимать удивительной истории. Непонятно откуда в руке у старца появилась маленькая многоствольная флейта. Похоже, выскользнула из рукава подрясника. Монах поднёс её к губам и извлёк трепещущий протяжный звук. Тайга отозвалась невнятным шумом. Сильван сыграл ещё несколько тактов и отложил инструмент. Флейта Пана. Его флейта.

Весь мир словно бы ужался до маленькой площадки на вершине холма, где, под грубым деревянным крестом я слушал повесть старого-престарого существа, отрёкшегося от своей божественности Христа ради.

– Откуда мы, не знаю, – начал он тихо. – Всё, что помню – две тысячи ваших лет до и две тысячи после того, как Бог посетил землю. Но я и мои сородичи жили ещё раньше. Говорят, что ещё до Потопа, и что это мы соблазнили дочерей Адама, и от нас рождались волхвы и великаны. И потому, мол, Бог уничтожил тот мир водой. Я не помню. Может, и правда это, может, иные из нас спаслись на высоких горах, или даже утопли, но не до конца – мы смертны, но смерть приходит за нами неспешно. В одночасье мы понимаем, что не можем больше жить, перестаём двигаться, потом – дышать и каменеем.

Его лицо стало торжественным и каким-то архаичным, словно у древней статуи среди безжизненной пустыни.

– А если травма? – встрял я. Интервью, так интервью.

– Любая рана сразу заживает. Даже если голову отрубят, новая вырастет, не скоро, правда. Ну, если, может быть, крошат на кусочки мелкие... Но постепенно почти все ушли, теперь разве что некоторые из моего народа-стада далеко в горах прозябают, – продолжил он. – Да и всегда на моей памяти было нас не больше нескольких сотен. Я думаю, сама земля породила нас на заре Творения, а Бог по безграничной милости Своей вдохнул в нас души живые. Как и в дру-

гие существа, стихиями порождённые. Много их таких было, про иных вы, люди, и не слышали. Теперь уж почти никого нет, ваше царство теперь земля.

– А грехопадение? Оно и для вас тоже? – заикнулся я.

– И мы пали, – подтвердил старец. – Говорят, наше свершилось и после ангельского, и после вашего, людского, тогда, когда мы соблазнили ваших женщин. Эта вина на нас, и потомства мы с тех пор не имеем. Но я, как сказал, ничего о том не помню. Лишь какие-то обрывки – лепота и радость неизмеримые, и страсть ужасающая. И после тоже особенно вспомнить нечего. Мы ведь, хоть наделены душой и умом, животные суть. Носились себе по лесам, вкушали плоды земные, от мяса тоже не отказывались, если попадалось. И единственное, чему мы предавались во всякое время и с великой охотой – неудержимый блуд. С нашими самками, со зверицами, да и с человеческими девами. Это главный наш грех был, и по сравнению с вашими, не самый ужасный – мы ради похоти никогда не убивали, не стяжали сокровищ земных. Дрались друг с другом только за самок, но не до смерти. А уж о войнах даже и помыслить не могли.

– Но люди вас считали богами? – я всё пытался наложить этот рассказ на известные мне мифы, получалось плохо.

– Не всех, – мотнул рогами Сильван. – Чтобы богом считали, мало быть лохматым и с хвостом. Силой мы обладали все, да, но наделены ею были разно. Кто-то едва добирался до живой сути одного дерева, а кто-то сподобиться мог весь

лес вокруг оживить на время. Кто-то разве что козла дикого подманит, а на мою флейту всё окрестное зверье сходилось. А я ещё и хвори мог исцелять, людские и звериные. Вот поэтому люди меня за бога держали, а сородичей – за мою свиту. Хотя слово «бог» для меня было пусто. Своих мы звали – «Мы».

Он проскрипел какое-то странное короткое слово.

– А вас – «Они».

Опять скрипнул, по-иному, но похоже.

– Просто разные, – заключил он, – разноживущие. Вы для нас были всего лишь жертвователями еды, да иногда ходились для похоти, что для наших самцов, что для самок. Бывало, проберёшься в час полуденной жары в селение, найдёшь спящую в саду деву, убаюкаешь её вовсе мелодией, и...

Глаза Сильвана дико сверкнули, но тут же погасли. Он поднял флейту и слегка подул в неё, извлекая несколько мелодичных нот. Деревья вновь зашумели и я благоговейно уловил в этом осмысленный ритм. В ельнике что-то зашуршало и заворочалось, оттуда выглянула длинная морда лося. Мелькнула рыжим всполохом лисица. На площадку вышел волк, осторожно принюхался, степенно уселся и стал смотреть на Сильвана умными глазами. Кукушка вылетела неизвестно откуда, сделала круг и уселась на плечо монаха. Во мне больше не было сил на изумление.

Настоятель отложил флейту, лось исчез в ельнике, кукушка вспорхнула, но волк остался сидеть. Сильван, не обращая

на него внимания, продолжил свои речи.

– Вот ты говоришь «демон», а кто они такие, не ведаешь. А я их видел, и говорил с ними. С одним, которого вы Дионисом именуете, даже дружил. Ходил с ним до самой Индии, видел там и сородичей своих в лесах, и совсем уж жутких аггелов, многоруких и звероподобных. Не понравилось мне там – жарко, народ расслабленный, мечтания их мучают. Я всегда славился умением на людей ужас наводить, даже ваше слово «паника» от одного из имён моих, но такого ужаса, который они от своих демонов принимают, я до тех пор не видел. Да и Дионису там не понравилось, вернулись мы. Он вообще-то вертопрах был, иной раз жестокий, как дитя неразумное, но не злой. И много вина пил. А я с ним. И другие демоны тогда по земле ходили, а люди им яко божьям кланялись.

– Выходит, – уточнил я, – языческие боги – реальность?

– А что есть реальность? – вопросом ответил Сильван. – Вот я тебе уже долго глаголю, а ты до сих пор не уразумеешь, сон это или явь. Да, бесы реальны, насколько реально зло. Оно – отсутствие добра, а добро реально, потому что оно есть Бог. И в отсутствии Бога зло также реально. А Бога на той падшей земле не было, вот нечисть и ходила свободно. Падшие аггелы не совсем такие, как вы их представляли. На самом деле, гораздо хуже, но как-то... проще что ли. И они не знают, что они зло. Вернее, тогда не знали. Потом-то им пришлось это узнать. Но я и тогда знал, что Истинный

Творец всего есть. Только я думал, что Он уже давно забыл о созданной Им земле и оставил нас.

Старец вновь замолчал и прикрыл глаза. Я не осмеливался нарушить его воспоминания. И волк сидел неподвижно, как каменный Анубис. Наконец монах опять заговорил:

– Ваши людские дела мне были безразличны. Я только мельком узнавал, что, вот, исчезли пеласги, в Кеми больше не строят пирамидальные усыпальницы для царей, Крит смыло волнами, Троя давно пала, эллины отразили персов, а потом сами на них пошли, и что в Стране телят на холмах появились какие-то «дети волчицы», которые всех побеждают. Для меня и сородичей не менялось ничего. Но две тысячи лет назад всё вдруг стало иным. Началось даже раньше – какое-то беспокойство, томление духа. Я думал, просто мир стареет. Многие из наших не выдержали этой неясной угрозы, прекратили жить, и мы проводили их вином и танцами. Люди же вдруг перестали нас почитать, всё меньше оставляли для нас еды на перекрёстках, а девы при виде нас убегали, отвратив лики. Боги стали мелочными, скучными и один за другим куда-то канули. Как-то раз пробудился я ночью на вершине холма. Была зима, дул пронизывающий ветер, даже в моей шкуре я мёрз. Но небо было светлым и ясным, и прямо над моей головой разгоралась невиданная огромная звезда. Я решил: вот, мир умирает.

Волк поднял морду к небу и коротко взвыл. Где-то поблизости раскаркалась ворона. По верхушкам деревьев прошёл-

ся порыв ветра.

– С той ночи я перестал есть, но меня всё время мучила жажда, не хотелось любить, я много спал, но сны были старковидны и безобразны. Я перебрался на небольшой островок в море¹, на котором почти никто не жил. Да и все наши, сколько их осталось, тоже разбрелись кто куда. Целыми днями валялся или на берегу, или под сенью оливковых рощ и ждал, когда во мне вырастет воля прекратить жизнь. Однажды стало совсем худо. Я лежал на берегу и не мог двинуться. Происходило что-то ужасное. Не со мной, где-то далеко, но чуял я надвигающуюся беду. Потом увидел, что мимо острова, близко совсем, идёт корабль. Люди на борту смотрели на берег и пели гимны. Когда судно подошло ближе, я различил в пении имя, которым они меня называли, увидел, что они кидают за борт еду, и понял, что они поклоняются мне. Взъярился я, вновь обрёл на миг силы и возгласил: «Умер он, ваш Пан!»

Монах вдруг вскочил на ноги и закричал так, что эхо разносилось по всему безбрежному пространству лесов. Он кричал по-гречески, так, как слышали люди ту фразу тогда, две тысячи лет назад у маленького острова в Средиземном море. В ответ лес грозно взревел, взорвался птичьими и звериными криками, звучащими как рыдание. Волк завыл и выл долго, пока Сильван не цыкнул на него. Я, ошеломлённый и оглушённый, молчал.

---

¹ Остров Паксос

– С корабля донесли рыдания, а я упал и погрузился во тьму, – тихо сказал настоятель и вновь сел. – Не знаю, сколько пробыл я там. Может, и правда умер, и душа моя скиталась по адским пропастям. Но наши души не так легко расстаются с телами, как ваши. Думаю, очнулся я на третий день. Помнил всё, но мнилось, что огромная доля моего существа отсечена и лежит тут, на острове, каменея и вращаясь в землю. Но я всё ещё был жив. Встав, пожевал оливковых листьев и цветков, и вошёл в море. Когда под ногами не стало дна, поплыл по направлению к восходящему над миром солнцу. Я знал, что моё исцеление лежит в той стороне.

– Это было в первом веке?.. – мой вопрос прозвучал полуутвердительно. Старец кивнул.

– Да, в дни страстей, смерти и воскресения Спасителя нашего. Но я ещё не знал того. Только спустя много времени истина стала открываться. Я приучился к людям, жил среди них, говорил с ними на их языках, носил, не снимая, одежду и головную повязку. Странствовал от земли к земле то на кораблях, то на маленьких лодках, а то и вплавь. По крохам собирал сведения и вскоре узнал о том, что случилось несколько лет назад в провинции Иудея. Я говорил с легионерами, распинавшими некоего странствующего учителя, и с его учениками. Один раз в Эфесе я издали видел Его Мать. В Коринфе я стоял в толпе и слушал проповедника новой веры – маленького лысого еврея с горящими глазами, лицом похожего на одного из моих братьев. И я много ду-

мал. Я понимал, что старое кончилось, и бог Пан действительно умер. Его больше не было. Но кто был? И земля, и я сделались иными, но насколько, я не знал. Пытался вести прежнюю жизнь, благо на другом берегу великого моря моих собратьев ещё было достаточно. Но ни игры в лесах и рощах, ни любовь, ни еда, ни чувство власти над людьми больше не доставляли удовольствия. Всё это стало каким-то пресным и неказистым, словно мертвецы пытались делать вид, что всё ещё живы.

Он тяжело вздохнул. «Не дай Бог мне такие воспоминания», – вдруг подумал я, и меня неожиданно затопило чувство острой жалости, какое я испытывал к умирающему Сашке.

– Дело было в Египте... – медленно продолжал Сильван, – близ древнего Но-Амона, где и тогда была одна пустыня, населённая гадами и демонами. Снова уйдя от сородичей, я уединённо жил в маленьком оазисе, питаюсь финиками. Рядом, в древних развалинах, жили два отшельника, причём понятия не имели друг о друге². Оба были христианами и бежали от гонений, учинённых римлянами. Они жили так десятилетия, молясь и борясь с посещавшими их бесами пустыни. Телам их аггелы повредить не могли, но всячески измывались, пугали и сбивали отшельников с толку. Меня тоже понуждали принять участие в травле, но я отказался. Всё хотел понять, что помогает этим двум слабым челове-

---

² Св. Антоний Великий и св. Павел Фивейский

кам противостоять древнему злу, которое одолело их предков. Один раз во время ночной оргии у хижины Антония – так звали младшего отшельника – один из демонов проговорился ему, что рядом живёт подобный безумец. Видимо, такая жизнь была уже Антонию невмоготу, потому с утра он вышел из своего жилища и отправился на поиски товарища. Тут и я не выдержал – когда отшельник проходил мимо моей рощи, вышел ему навстречу. Конечно, он сначала подумал, что я очередной искуситель и стал, как привык, осенять меня крестом. Демоны от его знаменья бежали, а я – нет. Я подошёл к нему, протянул несколько фиников, и склонился под благословление. Тогда он чуть удивился. «Кто ты и откуда?» – спросил он. Прямо как ты хотел спросить... «Смертный», – отвечал я. «Что тебе нужно?» – спросил Антоний. «Помолись обо мне Богу своему», – попросил я. Тот поглядел задумчиво, взял финики и кивнул. «Хорошо, – ответил он, – скажи мне своё имя». «Люди зовут меня Сильван» Антоний снова кивнул, запоминая. «Другой отшельник живёт там, – я указал в сторону кельи Павла, – стадиях в десяти». Антоний повернулся и зашагал в ту сторону. Потом я узнал, что они встретились и что про нашу встречу Антоний рассказывал своим ученикам. Потом её описал один книжник³, но, конечно, с искажениями.

Сильван прикрыл глаза, линии лица ещё больше заострились, оно словно бы высохло и утратило плоть, стало напо-

---

³ Св. Иероним

минать образ мумии. Но недолго – открыл глаза, поднял голову, на лицо вновь вернулись краски.

– Молитва отшельника Антония делала своё дело, но жернова Господни мелют медленно. Годы прошли, прежде чем я вошёл в храм. Помню лицо священника, к которому я подошёл с просьбой окрестить. Было это там же, в Египте, и до сих пор рассказывают, как бес пришёл креститься. Даже собирали совет авв, чтобы решить, можно проводить надо мной таинство или нет. Ну и порешили, помолившись, оставить решение, человек я или демон, Богу, а им следует, если разумное существо просит о крещении, смиренно принять его в лоно Церкви. Те же аввы благословили меня и повязку на голове носить, дабы братию не смущать. Толерантные батюшки были...

«Весьма...» – подумалось мне.

– Ушёл я в киновию, – продолжал Сильван, – но мира не нашёл. Наваливались на меня и похоть, и строптивость, и гордыня. Посещали демоны, даже старые знакомые, какие ещё во тьму окончательно не вступили. Уговаривали, глумились, прелести всякие показывали... Тьфу, вспомнить противно.

Его лицо потемнело ещё больше, исказилось отвращением, и я понял тех, кто принимал его за беса.

– Молился я, сильно, с плачем неудержимым: «Помилуй мя!» Но не слушал меня Бог. Много лет прошло, силы души моей истощились. Впал я в отчаяние и закричал: «Ты

неумолим!» И словно надорвалось что-то в душе моей, как тогда, на острове. Вдруг увидел я Христа, Бога живого. Сердце моё исполнил такой огонь, что если бы видение продержалось хоть мгновение, я бы и правда умер. Бог милостив – оно сразу исчезло. Но уже никогда не смогу я забыть невыразимо кроткий, беспредельно любящий, радостный, непостижимого мира исполненный взгляд Господа моего.

Тут я увидел то, что потрясло меня самого: отец Силуан, Сильван, Фавн, Пан или как его там, упал перед крестом на колени и неудержимо зарыдал. Мне, глядящему на него с изумлением ребёнка перед Сфинксом, захотелось упасть рядом и тоже рыдать. Но Сильван встал, лицо его было сухим.

– Так совершилось моё обращение, – вновь заговорил он размерено. – Вскоре после этого я удалился из кинобии и из Египта – всё-таки смущала многих моя всегда замотанная голова. Вновь переплыл море и попал в Рим, где меня рукоположили в диаконы. Забрался я подальше, в Галлию, в маленький приход в деревне Агедюном. Служил там, возглавлял агапы, был мирен и радостен. От прошлой жизни остались у меня способности, которыми теперь пользовался я редко. Но как откажешь прокажённой девочке, если знаешь, что можешь помочь?.. Я возложил руки, и проказа её покинула. Потянулись ко мне недугующие со всей окрестности. Что было делать? Исцелял именем Бога и силой своей природы. Там в окрестных горах и чащах прятались ещё старые римские богодемоны, кое-кто меня помнил. Сперва они

обрадовались, думали, что я притворяюсь человеком и священником, но я сказал им, что христианин и знать их не желаю. Им тайно поклонялись здешние язычники, и бесы стали их подвигать против меня. Закончилось всё плохо – в Галлию вторглись вандалы. Может быть, они меня бы и не тронули – хоть и еретики были, но Христа почитали. Но демоны подговорили язычников из моей деревни ночью напасть на лагерь вандалов, а когда напавших поймали, они всё на меня свалили. Вандалы подожгли деревню, а меня подняли на копья. Хорошо хоть жители уйти успели. Я бы мог разогнать варваров своей флейтой, да и просто руками передавить, но не стал этого делать. Пока лежал без сознания, вернувшиеся жители меня похоронили. Надеюсь, повязку мою снимать не стали – в соблазн бы впали. Ночью очнулся и прокопал себе путь из могилы. Поправил всё, как было, чтобы думали, что так там и лежу, и ушёл. Потом узнал, что, якобы, на той могиле происходят чудеса, что возвели меня в местночтимые святые, церковь построили. Но не виновен я в этом.

– То есть, вам при жизни молятся?.. – не удержался я от вопроса.

– Ну да. И что мне теперь делать – явиться и всё опровергнуть?.. Нет уж. Пусть как есть. Может, и правда в мой кенотаф⁴ по воле Божией перешла часть моей силы... Дальше осторожнее стал: нигде подолгу не задерживался, ходил по всей Европе как странствующий монах. А когда там ли-

---

⁴ Ложная гробница

хие времена настали, и мои выжившие сородичи совместно с демонами принялись народ смущать и оргии по холмам устраивать, а инквизиция людей за это стала сжигать, пошёл я опять на восток от греха подальше. Был во владениях Великого Хана, до Китая дошёл, но в Японию не поплыл, через Индию и Персию пришёл в Московское царство. Был монахом, молился, исцелял, пел, переписывал книги и писал иконы, иной раз сражался. Был рукоположен в иереи. После Смуты хотели даже во епископы возвести, но отказался я – *polo episcopari*⁵. Какой я для людей епископ... Вот моё епископе⁶.

Широким жестом он указал на леса, наполненные вечерним птичьим криком, на волка, на ельник, в котором – я чувствовал это – скрываются другие звери.

– С казаками ушёл в Сибирь, до этих мест добрался, монастырь вот основал.

«Святой преподобный Силуан, – вспомнил я, – вот оно что...»

– Да, там тоже кенотаф, – он жестом показал вниз, где обитель. – Да что там, много всего было. И будет ещё. Я, Женя, думаю, что до Страшного суда проживу.

– И вам не страшно? – вырвалось у меня.

– Страшно, – тихо ответил он. – Но я в Бога верую.

---

⁵ Не хочу быть епископом (лат.) Сейчас – ритуальная фраза во время католического обряда возведения в епископы.

⁶ Попечение (греч.)

Нас ослепила вспышка. Сашка снимал из ельника. И сюда пробрался... Как ни странно, он взирал на рогатую голову настоятеля вполне спокойно.

– Ладно, детушки, – отец Силуан поднялся с валуна, – идти вам надо, вертолёт уж прилетел.

Я и вправду услышал вдалеке треск вертолёта.

– А вы с нами? – спросил я. Теперь у меня появилось к этому невероятному... да, человеку множество животрепещущих вопросов.

Но тот покачал головой.

– Нет, всё я тебе рассказал, что дозволено, и не увидимся мы больше в этой жизни. Идите, а я тут ещё посижу, на флейте сыграю. Чувствую, сегодня можно мне...

Он благословил нас, а мы, не смея возражать, стали спускаться с горы. За нашей спиной нарастала пронзительная, но странно прекрасная мелодия, под которую деревья сгибались и мотали ветвями без малейшего ветра. В чаще то тут, то там мелькали тени спешащих на гору зверей.

Вертолёт уже сел, пилот встретил нас, опоздавших, отборным матом. Вокруг винтокрылой машины суетился отец Пахомий. Он уже притащил наши вещи и большой мешок с гостинцами на дорогу. Спросил об отце настоятеле. Я молча указал вверх и Пахомий понимающе кивнул.

Тайга, сопки, озеро, монастырь стремительно пошли вниз. На мгновение передо мной мелькнула вершина с крестом и маленькой фигуркой под ним, вокруг которой непо-

движно сидели неясные тени. Но видение тут же ушло в небытие.

На обратном пути я вспомнил, что с утра ничего не ел, и мы с Сашкой жадно набросились на гостинцы Пахомия: тёплые пироги с черемшой, картошкой и грибами. Еще в мешке оказались две огромные копчёные щуки. Сашка был свеж и розовощёк, но всё больше молчал.

Он позвонил мне уже в городе, где-то через неделю.

– Знаешь, – сказал он, – я на обследовании был... Нет у меня больше метастазов. И опухоли нет. Сказали, спонтанная ремиссия, один случай на сто тысяч...

В тот вечер я усердно молился перед иконами.

Вот и всё. Я не знаю, чему был свидетелем, и не дерзаю догадываться. Вся махина прошлого, вся сила земли и неба, стоящая за этой историей, предостерегают от назойливой попытки вторгнуться в тайну. Конечно, я отписался за командировку – сделал лирический, благостный репортаж о двух монахах, живущих в таёжном монастыре. И в этом тексте всё было правдой, но, конечно, лишь малая её часть. Фото-репортаж получился куда лучше текста. Яркие динамичные снимки буквально излучали тихую радость и благоговение. Никто не мог понять, как Саше это удалось, да вряд ли он сам это понимал. Только одной фотографии там не было, вы понимаете, какой. Я так и не узнал про её судьбу. Скорее всего, Саша её уничтожил. Что касается диктофонной записи, то, к моему удивлению, машинка точно записала всё, что

говорил отец Силуан. Да только кто этой записи поверит... Иногда я прокручиваю её для себя.

За репортаж мы получили престижную премию Союза журналистов, но сам Сашка об этом не узнал – вскоре исчез. Говорили, уехал к родственникам в деревню, да там и умер. Но я знаю, что в глубине тайги, в полуразрушенный обители, теперь подвизаются трое насельников – двое монахов и послушник. Надеюсь, за каждодневными тяжкими трудами не забывает он и о своей фотокамере.

«Когда-нибудь напишешь. Всё равно не поверят, но пусть знают», – сказал мне отец Силуан. Вот, написал.

Роща Эрлик-хана

«Это было слишком хорошо», – подумал Леонид Владленович, раздражённо бросая телефон на хромовую подложку дубового стола. Да что там хорошо, просто невероятно, что почти в центре большого промышленного города оказалось это вкусное пятно, на которое никто ещё не наложил лапу. Когда Леониду показали его, он глазам не поверил: среди кварталов «сталинского ампира», на которые покуситься пока было немислимо, ибо населяли их важные люди и их родственники, на трёх гектарах расположился самый настоящий бесхозный пустырь. Ну, не совсем пустырь и не совсем бесхозный – окружал его высокий, но очень ветхий забор с сохранившейся кое-где колючей проволокой. Но выломать пару ветхих досок не составляло труда, а охраны никакой не было.

Леонид, живший в этом городе уже лет тридцать, последние семь вполне успешно возглавляя строительную фирму, должен был хоть что-то слышать про такое диво – сохранившийся посередине города кусок настоящей тайги. Должен был, но не слышал. Он, конечно, знал, что этот район называется «Сосновой рощей», но и помыслить не мог, что роща по сей день жива. Тем не менее так оно и было: под слабым ветерком поскрипывали столетние сосны, маня пройти под тёмно-зелёными сводами.

Он и прогулялся по густому ковру прошлогодней хвои, вдоль крохотного ручейка. Странное дело: здесь звенела настоящая лесная тишина, нарушаемая лишь птичьим щебетом и журчанием воды. Хотя, стоило выйти из крохотного леса, как на уши вновь обрушивались монотонные городские децибелы. Сначала он хотел пересечь рощу и выйти с другой стороны, но через несколько метров покров сухой хвои кончился, шёл буйный перепутанный брусничник, среди которого было полно поваленных стволов, а ещё дальше мрачновато темнел густой на вид подлесок. Ручеёк утекал туда. Леонид пожалел новые туфли от Гуччи и, поглядев в терпко пахнущую тьму, повернул назад.

Лёвку Каца засосало болото, и это совсем невесело. Изя Гонтмахер (партийная кличка Стас) уже еле передвигал ноги. Железные ящики, которые они с Лёвкой тащили вдвоём с тех пор, как лишились лошадей, стал совсем неподъемным. Поглядев, как на поверхности трясины лопаются пузырьки воздуха – всё, что осталось от бедного «шлимазла»⁷ – Изя попытался поднять ящик. Но еле-еле смог оторвать его от земли, хоть телом и вышел в папу – биндюжника Шлёму, руками гнувшего на Привозе подковы. Таки пятьдесят тысяч – не пух из подушек тёти Песи. Но, вэйзмир⁸, разве ж можно бросать эдакую прорву денег!

---

⁷ Шлимазл – счастливец, в ироническом смысле – недотёпа (идиш)

⁸ Вэйзмир – Боже мой! (идиш)

Изя завертел головой, пытаясь сообразить, куда его вынесла нелёгкая. Кажется, это был довольно большой остров посередине огромного болота, которое они прошли исключительно чудом. Лёве (в группе его звали Сиропом), правда, это счастья не принесло... В полукилометре поверхность поднималась, образуя обширный холм с плоской вершиной, сплошь заросшей соснами, обещающими неплохое укрытие на время. После экса жандармы шли за группой по пятам, но просто так в трясину они не сунутся, сначала найдут проводника из местных. И вообще могут подумать, что утопили оба налётчика вместе с добычей. А Изя пока отсидится в сосновой роще.

Он ещё повертел головой, углядел в густой траве приличное углубление, с огромными трудами дотащил туда ящик, набросал сверху сухих веток и тщательно уничтожил следы.

– Дрек мит фефер!⁹ – выругался он.

Такое славное начало и такое гнилое продолжение! Дельце казалось вернейшим: в багажном вагоне следующего в губернский центр поезда имел место ящик, в который на всех пройденных станциях спускали суточную выручку за грузовые операции и продажу билетов. Охраняли ящик всего только двое низших жандармских чинов. Группа узнала о ценном грузе от своего человечка в железнодорожном управлении. Он уверял, что меньше пятидесяти тысяч к концу пути не собирается. Для людей же из группы повернуть такой

---

⁹ Дрек мит фефер! – Дерьмо с перцем! (идиш)

экс было в одно удовольствие – все они занимались этим в России и так имели солидный опыт.

Глухой ночью, на уединённом перегоне среди густого леса, тем, где паровоз замедлял ход, поскольку полотно шло на подъем, они устроили славный кипиш¹⁰, открыв настоящую канонаду из револьверов и японских винтовок. Позже свидетели уверяли, что в налёте участвовало, по крайней мере, десять человек. Шмоки!¹¹ Их было всего пятеро ссыльнопоселенцев, живущих в Сибири за казённый счёт. Изя – эсер, трое эсдеков, а пятый – известный питерский «медвежатник» Ляксе́й Хруст.

Пока четверо экспроприаторов дырявили деревянные стенки вагонов, заставляя поездную прислугу в панике соскакивать и разбегаться, кто куда, Яша Подрабинек (партийная кличка Неволин), бывший инженер, запрыгнул на елтащившийся поезд и, немного пошуровав, отцепил паровоз вместе с идущим сразу после него почтовым вагоном. После чего Яша направил на машиниста с помощником пару хороших маузеров и заорал, как пьяный матрос:

– С паровоза поцы, бекицер!¹²

Они сгнули так быстро, словно их сдула нечистая сила. Проехав ещё немного, паровоз совсем остановился. Запыхавшиеся налётчики догнали его и стали ломиться в двери

---

¹⁰ Шмок – то же, что и «поц», в переносном значении – простофиля (идиш)

¹¹ Кипиш – отвлекающий внимание скандал (идиш)

¹² Бекицер – быстрее (иск. идиш)

вагона.

– Эй, мосерим,¹³ открывайте, а то запалим! – заорал Изя и пару раз стрельнул в двери.

– Погодь, откроем, – раздался из вагона грубый голос, и изнутри завозились с запорами.

Налётчики ждали с оружием в руках. Но всё равно не успели – как только двери отъехали, из вагона раздалась револьверные выстрелы. Сруль Пайкес (партийная кличка Доктор), бывший аптекарь из Винницы, заимел а лох ин коп,¹⁴ и мозги его резво брызнули сквозь затылок. Остальные, как бешеные, принялись палить во тьму вагона. Яша бросил туда бомбу, и все попадали на насыпь. Бухнул взрыв, стрельба прекратилась. С насыпи поднялись трое: Доктор лежал спокойно, а Хруст корчился от боли – одна пуля перебила ему руку, вторая застряла в лёгком.

Экспроприаторы выкинули изуродованные трупы жандармов и с трудом вытащили ничуть не пострадавший от взрыва железный ящик. Задумчиво потерев чеховскую бородку, Изя прострелил голову стонущему Хрусту. Тот должен был тащить, а потом вскрыть ящик, но теперь нужно было тащить его самого, а кому, скажите, пожалуйста, нужен такой цурес на свой тухес¹⁵?

Но план надо было менять на ходу. Изя свистнул Подра-

---

¹³ Мосерим (мусора) – полицейские (идиш)

¹⁴ А лох ин коп – дырку в голове (иск. идиш)

¹⁵ Цурес на свой тухес – счастье на свою задницу (идиш)

бинеку, быстро объяснил ему задумку, тот закивал курчавой головой и вскочил на паровоз. Вскоре тот, испуская клубы дыма, тронулся, набрал скорость и быстро исчез за поворотом. Изя с Лёвкой ухватили ящик и, кряхтя, доволокли его до просёлочной дороги, где ждала запряжённая парой вместительная бричка. Через пару минут появился Яша – запаренный, но лыбящийся до ушей.

– Сделал, товарищ Стас, – отрапортовал он. – Это же сейчас будет просто цимес¹⁶ какой – то!

Изя кивнул. Они заранее выяснили у своего человечка расписание движения по участку и знали, что навстречу поезду с деньгами шёл тяжёлый товарняк. Если бы не налёт, они бы разминулись. Но теперь не разминутся. И это-таки задержит погоню.

Издалека донёсся грохот крушения.

– Ходу! – крикнул Изя.

Лёва Сироп вскочил на место кучера, и бричка понеслась к заброшенному хутору, где, согласно первоначальному плану, Хруст должен был своими волшебными руками вскрыть ящик с сокровищем. Теперь придётся обходиться своими силами. Динамит у них был.

Но и там работа по новой не задалась: как только подъехали к хутору, оттуда стали стрелять. Жандармов подвели нервы – если бы они подпустили группу поближе, сразу положили бы всех. А так из брички выпал лишь простреленный

---

¹⁶ Цимес – сладость. В переносном значении – наслаждение (идиши).

навылет Подрабинек, так и не понявший, что случилось.

– Заворачивай в зад! – заорал Изя, дико матерясь по-еврейски и по-русски и паля по скрывавшимся за оградой жандармам.

Через пятнадцать минут бешеной скачки правая кобыла стала хрипеть и валиться на бок. Лёва с ругательством указал Изе на пулевую рану в её шее. Вторая лошадь вся была в мыле и тоже долго бы не протянула. Приближался топот жандармских коней. Двое налётчиков ухватили ящик и кинулись в тайгу. Никто из них не знал этих мест, потому и вынесло их в самое болото, в котором Лейба Кац приложился к народу своему.

Изя выкурил папироску, свистнул и фланирующей походкой направился к сосновой роще.

Сначала Леонид был уверен, что его аналитическая служба ошиблась и лесок имеет статус заповедника, да такой, что пальцем к нему не позволит притронуться. Это, конечно, не значило, что Леонид не притронется: слишком давно сидел он на строительной теме и прекрасно знал, как взяться за дело. Его просто удивляло, что до него ни одна акула застройки не сделала того же самого. Но факт подтвердился, оставив его в полном недоумении: лесок не состоял ни под федеральной, ни под местной охраной и вообще как бы никому не принадлежал. Хотя формально проходил как секретный объект, но и ФСБ, и МВД, и армия от него решительно от-

крещивались.

Леонид Владленович не стал задумываться над этими странностями – надо было делать бизнес. Поскольку хозяина у объекта не было, дальше все становилось делом техники, а техникой этой Лёня владел отлично. Правда, оформляя бумаги на застройку, должным образом «подмазанные» чиновники посматривали как-то странно. Но никто из них ничего не сказал, что вскоре заставило Леонида выражаться в их адрес громко и нелицеприятно. Так или иначе, старый забор сломали и в рекордные сроки поставили новый – синий. Бизнес пошёл. И сразу закончился. Сначала исследовательская бригада подтвердила, что почву пятна составляет плотный суглинок, что несравненно лучше для строительства, чем лежащие вокруг болотистые почвы, на которых почему-то тут строили в тридцатых годах. Но тут же начались неприятности. Каждый раз, когда рабочие двигались к центру рощи, они вскоре выходили в город с другой её стороны, непонятным образом миновав внутреннюю часть. Более того, к вечеру один из исследовательской бригады бесследно исчез.

Поскольку большая часть его рабсилы была гастарбайтерами, Леонид не обратил на этот факт особого внимания, и предположил, что засранцы безбожно филонят. Но когда на участке начали рубить сосны, дело предстало более серьёзным. Сосны просто не рубились. То есть, они вполне поддавались бензопиле, умирали, распространяя вокруг смолистый дух, и ухали на землю. Но стоило лесорубам чуть от-

вернуться, как только что поваленная сосна спокойно высилась над ними, и никаких опилок вокруг в заводе не было. Причём никто не мог засечь момент, когда срубленное дерево вставало на своё место. Просто вот оно лежит, а вот уже опять стоит. Это была какая-то чертовщина, но Леонид в мистику не верил. Он верил, что бабло побеждает зло, любил свободный рынок и уважал собственную соображалку. Гипотез он мог измыслить сколько угодно – от происков федералов, применивших психотронное оружие, до поголовного заговора рабочих, подкупленных конкурентами. Но вместо того, чтобы гадать на кофейной гуще, он вызвал начальника охраны, по совместительству возглавлявшего сыскную фирму, и велел разобраться.

Доклад о результатах проверки не порадовал. Там действительно творилось нечто. Рощу пытались уничтожить ещё в тридцатых, когда возводились новые районы развивающегося промышленного города. Возможно, пытались и раньше, ещё при царе, но сведения об этом не сохранились. Однако проклятая роща не поддавалась ни топорам, ни бензопилам, ни даже тротилу. Просто стояла себе, презрительно посматривая на копошащихся под ней букашек. Никто не знал, что находится в её центре, ибо никто не доходил до него. Впрочем, периодически тут исчезали люди. Среди местных жителей о роще говорить было не принято. Столкнувшись с необъяснимым, власти, как всегда, засекретили всю ситуацию и постарались о ней забыть. Пока не настало

время уплотнительной застройки и на пятно не начались покушения. Откаты были слишком соблазнительной перспективой, и соответствующие чиновники принялись выдавать разрешения. Возможно, они надеялись, что бизнес-напор действительно посрамит нечистую силу. Однако никому ещё это не удалось. При этом все пострадавшие молчали, как партизаны: никому не хотелось прослыть лохом, а с другой стороны они с удовольствием наблюдали, как коллеги вступают в ту же самую кучу дерьма.

«Это было слишком хорошо», – подумал Леонид, раздражённо бросая телефон на хромовую подложку дубового стола. Но сдаваться он не собирался: пока не проверит всю эту хрень лично и не убедится в невозможности продолжать работы, роща оставалась его бизнесом. Он перезвонил начальнику охраны и велел быть утром у рощи с парой вооружённых бойцов. На этот раз бизнесмен облачился в спортивный костюм и кроссовки, Глок-17 в наплечной кобуре придавал уверенности.

Как и в прошлый раз, роща встретила сильным хвойным духом и таинственным потрескиванием стволов. Леонид невольно приостановился, но раздражённо отбросил слабость и решительно шагнул под тёмные своды. Охранники следовали за ним осторожно – все были наслышаны о творящихся тут чудесах. Но пока ничего страшного не происходило – лес как лес. Только удивительно, даже как-то пугающе тихо. Леонид дошёл до брусничника и зашагал дальше,

перепрыгивая через поваленные деревья. Он стиснул зубы и не обращал внимания на окружающее. Он дойдёт, точно дойдёт, нет силы, которая могла бы его остановить...

И он дошёл, и остановился как вкопанный, увидев перед собой невероятную для города картину. Ручеёк спускался в маленькую падь и тёк по ней дальше. А на берегу его стоял, словно так и надо, самый настоящий чум, старый, продымлённый и продублённый ветрами. Леонид видел такие только в кино и в местном музее, куда ходил школьником. Перед чумом горел костерок.

Леонид оглянулся в поисках охраны, но её почему-то нигде не было. Бизнесмен пожал плечами и, вынув пистолет, подошёл к чуму. Внутри его кто-то завозился.

Роща встретила Изю таинственным скрипом стволов и журчанием маленького ручейка, текущего вглубь её. Всё ещё посвистывая, революционер направился вдоль русла. В конечном итоге, афцелохес але соним,¹⁷ гешефт намечался неплохой. Конечно, мосер сидел в комитете – только там знали, куда они должны были доставить добычу. С другой стороны, там не знали не только план налёта, но и на что именно он будет совершён. Поэтому жандармы ждали на хуторе, а не сидели десятками в каждом вагоне поезда. И что может с этого обломиться ему, Исааку Соломоновичу Гонтмахеру? Да пятьдесят же тысяч! Первоначальный план состоял в том,

---

¹⁷ Афцелохес але соним – назло врагам (идиш)

что Хруст вскрывает ящик, каждый берёт оттуда равную долю, кладёт в заплечный мешок, и все по отдельности, под видом бродяг и крестьян, пробираются в губернский город. А там уже партийный комитет распределяет добычу, большая часть которой пойдёт на печать прокламаций и содержание товарищей за границей. Что-то, конечно, должно было остаться местному комитету и совсем немного – непосредственным участникам эксa. Только Хруст, для которого революция горништ¹⁸, сразу потребовал десять тысяч, и ни копейкой меньше. И правильно он, Изя, этого гоя пристрелил. Но теперь Изя был свободен от обязательств перед партией. Скорее всего, товарищи считали его мёртвым, а деньги пропавшими. Таки пусть оно так и будет! Он отсидится здесь, пока жандармы не прекратят поиски, потом откроет ящик, сложит все деньги в мешок, но пойдёт уже не в город, а до ближайшей станции, где сядет в поезд и станет удаляться всё дальше и дальше от проклятой Сибири, приобретая по дороге вид приличного господина, а не грязного варнака. Потом, скорее всего – за границу. На первое время денег хватит, а том можно или найти хороший гешефт, или объявиться перед товарищами по борьбе, наговорить им сорок бочек арестантов о героической гибели группы и пропаже денег, и продолжить дело революции.

Под такие здравые мысли он зашёл в самую середину рощи, спустился в маленькую падь, куда уходил ручей, и оста-

---

¹⁸ Горништ – ничто (идиш)

новился, увидев, что он здесь не один. Костерок горел перед старым грязным чумом, над языками пламени склонился древний лохматый старик, опирающийся на то, что Изя сперва принял за длинную палку. Всё ясно – то ли качинцы, то ли остяки, местная татарва, короче. Эти неопасные, да и один тут этот дед, похоже.

– Здорово, отец! – поприветствовал его Изя, подходя и без церемоний садясь напротив.

Старик поднял голову, и Изя увидел, что никакой это не татарин – русский, старый-престарый, весь иссечённый глубокими морщинами, зияющий дырами рваных ноздрей, с дикой седой бородой, в которой застряли хвоинки.

– Ну вот, пришёл, наконец, – медленно сказал дед.

Голос его скрипел, как колодезный ворот, а в белёсых глазах стояла такая тоска, что Изе стало страшно.

– Ты меня знаешь что ли? – задал Изя, сам не зная зачем, нелепый вопрос.

Бояться нечего, перед ним был всего лишь очень старый гой, хоть и с копьём – теперь Изя разглядел, что это не посох.

– Ты тот, который пришёл, чтобы здесь остаться, – глухо ответил старик.

Дед был явным мишуге¹⁹. Изе захотелось скорее пристрелить его, но он всё ещё рассчитывал использовать старика, чтобы тот помог дотащить в рощу денежный ящик. Он только незаметно взялся за рукоять кольца за пазухой.

---

¹⁹ Мишуге – безумец (идиш).

– И зачем мне тут оставаться? – спросил он, чтобы не молчать.

– Потому что вышло моё время, – ответил дед. – Не сторож я отныне рощи Эрлик-хана.

– И кто же такой этот хан?

Странно – ужас всё больше охватывал Изю, хотя он чувствовал себя полностью защищённым.

– Да ты знаешь его, он ведь всё время с нами рядом, – дед вдруг гаденько захихикал. – Куда мы – там и он.

– Прекрати нести наришкайт²⁰! – неожиданно визгливо крикнул Изя, но дед не обратил на это внимания.

– Я тоже про него не знал ничего, пока с рудника не убёг.

«Варнак, – подумал Изя. – давно тут скрывается, совсем ум потерял»

– А за что тебя в Сибирь? – спросил он.

– А за то, что Емельку Пугачёва государем Петром Фёдоровичем признал, да дела лихие под рукой его творил.

Глаза деда блеснули из-под кустистых бровей.

«Совсем сумасшедший», – окончательно удостоверился Изя, когда старец объявил себя участником бунта позапрошлого века.

– И что с этого? – не очень изящно попытался уйти он от темы.

– Да ничего. Махал кайлом на руднике, потом бежал, набрёл на деревню кыргызскую, приютили меня. Да только по-

---

²⁰ Нарискайт – глупость (идиш)

гоня по следу шла. Прятаться негде – топь кругом. Заприметил я посередине болота остров с рощей сосновой, да и туда спрятаться намерился. Кыргызцы меня стали пугать: мол, священная та роща, а хозяин ей – подземный Эрлик-хан, царь упырей. И живёт там безвылазно страж копейный. Войти в рощу нельзя – по кругу пройдёшь, да с другой стороны выйдешь. Но когда раз в год приходит Эрлику охота кровушки попить, пускает он человека туда, а страж его в жертву приносит. А когда проходит сто лет и состарится страж, находит Эрлик подходящего человечка и посылает его в рощу, чтобы убил он старого стража и стал ему сменщиком. А пока в роще той страж сидит, никто ни единого дерева срубить там не сможет, и будет Эрлик-хан сущим не только под землёй, но и в мире.

– И что, ты в это поверил? – спросил Изя, уставший от безумного рассказа.

– Поверил – не поверил, – проговорил дед, и в голосе его послышалось отдалённое рычание дикого зверя, – а с нечистым кто ж из нас не znalся в жизни... Мне тогда рудники страшнее преисподней были. Вот и пришёл сюда, и с тех пор тут.

– Это как? – машинально переспросил Изя, думая о своём и трепля бородку.

– А как: не соврали кыргызцы – был тут страж. Старец седой, какой и я ныне, – дед вновь захихикал. – То ли мунгал, то ли из братских. С копьём, как и сказали. Только не стал

я ждать, когда он меня поколет – навалился на него и шею свернул.

Старик замолчал, лицо его неожиданно выразило муку. Изя уже всё решил, но невольно поглядел на него с любопытством.

– Он мне в лицо смеялся, когда умирал, – проговорил дед наконец. – Страж всегда знает, когда к нему сменщик приходит, – старик искоса глянул на Изю. – И вот я с тех пор страж рощи Эрлик-хана, вроде живой, а вроде и нет. Не нужно мне никакой снеди, вода одна. Не сплю, и не ем, и не мёрзну, только с копьём среди деревьев брожу, а выйти из рощи не могу. Иногда придёт человек, так я его убиваю и хозяину отдаю. Изнемог я, душа из тела давно просится. В ад уйду, знаю, да лучше, ад, чем такая казнь.

Уже не слушая, Изя пристрелил деда. Тело свалилось лицом в костёр. Изя обыскал чум, но к своему удивлению, не нашёл там ничего съестного. Оставалось думать, что старик ловил рыбу в ручье, хотя её там не было видно.

Изя за ноги оттащил труп подальше в падь, туда, где ручей терялся среди валунов. Подойдя, увидел, что здесь полно разбросанных человеческих костей, и ему вновь стало жутко. Однако, пожав плечами, бросил тело и пошёл обратно. Надо было выбраться из рощи и найти чего-нибудь съестного.

Но выбраться он не смог. Никогда.

Полицейская погоня за двумя злоумышленниками задер-

жалась, потому что никто из местных не хотел показывать дорогу через топь. Удалось найти только одного мужика, который запросил за услуги непомерную цену в целый рупь. Но на островке полицейские ничего не нашли – преступники канули вместе с денежным ящиком. Правда, обыскать сосновую рощу не представилось возможным – поисковая партия так и не смогла зайти в глубь её. Когда же бесследно пропал один из полицейских, становой пристав скомандовал прекратить поиск. В его докладе капитан-исправнику странные свойства рощи отображения не нашли. Полицейский был объявлен утопшим в болоте. Как и двое социалистов-налётчиков вместе с награбленными деньгами.

Из чума, тяжело опираясь на ржавое копьё, вышел старый-престарый дед. Он был в каких-то бесформенных лохмотьях и худ, как палка. Спутанные седины бороды, волос и бровей представляли собой одно целое, из которого, как из густых зарослей, на Леонида глядели выцветшие глаза, и в глубине их плескалось безумие.

– Ну вот, поц, ты и пришёл, – проскрежетал голос, какой мог бы принадлежать древнему каменному идолу.

– Ты кто?! – в ужасе закричал Леонид, но дед только гнусно захихикал.

Внезапно Леонида охватил ярый гнев. У него это случилось, когда он сталкивался со злонамеренным противодействием своей воле, и всегда это заканчивалось плохо для то-

го, кто осмелился ему перечить. Бизнесмену показалось, что между ним и строительством на этом месте элитного жилого комплекса стоит только вот этот старый вонючий бомж. Рука с Глоком поднялась сама, палец сам надавил на курок. Ещё и ещё раз. Смех прервался, тощая фигура переломилась пополам и рухнула.

Леонид медленно подошёл и увидел, что дед ещё слегка шевелится. Он перевернул тело ногой и взгляделся в окровавленное горбоносое лицо. Серые губы слегка дрогнули в подобии усмешки.

Леонид отвернулся. Надо было найти охрану, надо было спрятать труп, надо было начинать, наконец, бизнес.

Крысобог

Человек открыл глаза. В них заплясали яркие брызги. Человек знал, что это стеклянные стенки саркофага отражают свет скрытых ламп. Он вообще много знал. Практически всё, что ему было нужно, плюс другое. Среди этого «другого» значилась и память о том, кем он был раньше. Но это было неважно. Перед ним стояло слишком много задач, которыми надлежало заняться безотлагательно.

Начать с того, что стекло было бронировано, что стало бы препятствием даже для переполненного активной протоплазмой тела, а не только для усохших мошей. Не примеряясь и не колеблясь, он приподнялся на своём одре и резко выбросил руку вправо. Этого оказалось достаточно: с оглушительным щелчком стенка распалась надвое, один из кусков вывалился и прогрохотал по чёрному пьедесталу. Не почувствовав ни удивления, ни удовлетворения, человек сбросил покрывавшую его тело материю и, просунув ноги в дыру, прыгнул на осколки.

Он стоял посередине сумеречного кубического зала, подавляющего траурным великолепием порфира и лабрадорита, тревожащего всполохами красной смальты, и знал, что всё это было создано ради него. Но это не производило на человека никакого впечатления. Будь он таким, как прежде, наверняка отметил бы, что на нём новенький костюм из швей-

царского люстрина, какой он предпочитал, когда был. Но сейчас и это не имело значения, он лишь подумал мимоходом, что проблем с одеждой у него нет – снаружи такие костюмы носили многие.

Подумал... Раньше непременно бы озаботился, чем именно подумал. Ведь в нём давным-давно не было мозга. Впрочем, как и прочих внутренностей. Но и это было так же неважно, как и костюм. Некая сила переполняла оставшуюся от его тела оболочку, заставляя думать и двигаться, направляя к цели. Сила была велика.

Среди неважного «другого» присутствовало и знание, что сейчас все следящие за залом мониторы, все датчики, показывающие состояние окружающей среды и тела, свидетельствовали, что всё совершенно нормально. Они не зафиксировали ни то, что саркофаг повреждён, ни то, что тело мерным шагом двинулось обычным путём досужих зевак, проходящих мимо саркофага по пять часов четыре дня в неделю – по подиуму и лестнице к двери в правой стене.

Дверь открылась от лёгкого толчка и человек быстрым шагом прошёл вдоль красной стены, усеянной досками с буквами, мимо голубых елей и каких-то бюстов. Всё это не вызвало в нём ни малейшего интереса. Никто не сделал попытки его задержать, и человек вышел на площадь.

Он целеустремлённо шагал по брусчатке, не обращая внимания на праздношатающих. В глазах многих из них вспыхивало узнавание – но не удивление. По площади бродило

множество похожих типов, просто этот выглядел убедительнее других.

– Лысый, куда бежишь? Давай вместе сфоткаемся!

Человек вырвал рукав у подвыпившего мужика и продолжал шагать в сторону метро. Он безошибочно нашёл вход, спустился и подошёл к турникету, который при его приближении испуганно высветился зелёным. Тем же мерным, но быстрым шагом человек вошёл в поезд.

Через час он был в аэропорту, где начиналась регистрация на рейс до Абакана. Процедуру он прошёл за десять секунд, что не удивительно – ни билета, ни паспорта у него не было. Его просто беспрепятственно пропустили в зал ожидания. Ещё через два часа самолёт оторвался от земли. Человек неподвижно сидел в кресле. Страхочной пояс его не был пристёгнут, но стюардесса, почему-то, не решилась сделать ему замечание. Все восемь часов полёта он просидел молча и в одной позе.

Долгохвост, скорчившись, делал дремень в своей неудобной грязной норе, ожидая начала грызня. Он был из задних – самой бесправной категории самцов Семьи, поэтому его период питания зависел не от времени суток, а от сна господина Укуся. Пока тот вальяжно совершал свой грызень, настороженно высматривая жутей и метя едкой мочой территорию, никто из задних не смел высунуть нос из норы. Сопровождали господина только несколько кнехтов, периодически

на брюхе подползавших к нему и угодливо вылизывающих его и так лоснящуюся от сытости шкурку. Да ещё были самки, которым наплевать на права Укуся – им надо было зачинать, вынашивать и кормить детёнышей. В первом деле интересы их и Укуся совпадали. Впрочем, господин крыл всех встречных самок, не задаваясь вопросом их семейного положения. А когда он, ублажённый пищей и сексом, отправлялся в нору на дремень, самок воровато, с оглядкой, крыли кнехты. Им бы не поздоровилось, поймай их за этим занятием главный самец. Для наказания тому даже не нужно было пускать в ход страшные зубы, достаточно было морального давления. Укусь кидался к нарушителю, шерсть его вставала дыбом так, словно он выросла раза в два. Он свирепо щёлкал зубами и издавал грозные звуки. Это было настолько страшно, что любой, самый сильный, кнехт начинал дрожать, падал на спину, закрывал глаза и лежал, не делая попытки защититься. У пасюков это называется «чёрный морок» и зачастую заканчивается смертью.

Долгохвост однажды испытал это на себе – когда осмелелся, думая, что господин с кнехтами уже удалился на дремень, забраться на припозднившуюся молоденькую самочку. Та совсем не была против, но, видно, какой-то кнехт увидел преступление заднего и позвал Укуся. Долгохвост так и не понял, почему не умер, пока страшный самец терроризировал его. Очевидно, психика Долгохвоста, все же, была по сильнее, чем у многих самцов. Но только спустя несколько

часов, в самый разгар опасного светлого времени, он смог подняться и уползти в свою нору.

Он не понимал, почему попал в изгой, но и не задумывался об этом. Просто так получилось: он всегда будет совершать грызень в самую опасную пору, всегда будет пугливо оглядываться, чтобы не попасть на зуб более авторитетных семейских, всегда будет жадно смотреть на недоступных самок, почёсывая растрёпанные и подранные бока. Ему не принадлежало даже единственное его преимущество – длинный хвост, куда длиннее, чем у прочих сородичей. Кнехты давно поняли, как можно его использовать, и то и дело брали Долгохвоста в набеги на Человечьи норы. Его задачей было протиснуться сквозь узкую щель в деревянный ящик, и если повезёт, отыскать там вкусность – бутылку с тягучей жирной жидкостью. Бутылка была из прозрачной корки, бока её грызть было бесполезно – зубы соскальзывали. Но наверху торчал удобный выступ, который человек назвал бы пробкой. Впрочем, пасюки тоже прекрасно понимали его назначение. Надо было встать на спину крупного самца, мордочкой добраться до пробки и обгрызть её по кругу. Дальше было труднее: вцепившись коготками в деревянную стенку, он зависал над бутылкой и осторожно просовывал хвост в разгрызенное отверстие. Когда тот погружался в благословенную жидкость, Долгохвост немедленно вытаскивал и опускал его, и вся кодла нетерпеливо слизывала лакомство. Так приходилось делать много раз, но сам он способен был толь-

ко слизывать с кончика, что лишь дразнило неуёмный аппетит, присущий его племени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.